

Фото Музы Трошкиной

Владислав Пашко: Я гражданин СССР

Бывший ведущий дизайнер ВАЗа делится мыслями о времени прошлом и нынешнем

Когда я договорилась об интервью с Владиславом Пашко, меня ждала засада: мой герой не раз и не два становился объектом пристального внимания журналистов и блогеров. В 1967 году он закончил Строгановку — Московскую академию им. Строганова по специальности «художник-конструктор» (слова «дизайн» тогда не было) и приехал с семьей в Тольятти. Супруга имела специальность «художник по тканям». В Автограде Владислав Пашко устроился на ВАЗ и проработал там 44 года. Здесь он и прошел путь от инженера-конструктора до ведущего дизайнера. Владислав Иванович является соавтором экстерьеров и интерьеров семейства переднеприводных автомобилей ВАЗ и LADA SAMARA. Также за его плечами большое количество экспериментальных работ. Выйдя на пенсию, Владислав Пашко продолжает творить в свое удовольствие — пишет картины и придумывает всевозможные инсталляции и арт-объекты...

Встретились мы с Владиславом Ивановичем в мастерской, где он колдует над разными штучками с большой приятностью.

— Владислав Иванович, читалась в Сети о вас много. Даже и не знаю, с чего начать, с какого вопроса...

— А я знаю. Спросите, почему выгнали меня с ВАЗа?

— Почему?

— Потому что я старый. И я действительно старый, но мог бы и поработать. Но меняется отношение к жизни, меняется потребитель, меняется общество в силу того, что оно становится потребительским, чисто капиталистическим. А у меня же социалистическое образование и подход к проектированию тоже социалистический. Предмет должен жить долго, в целях экономии государственных ресурсов, а не коротко. А сегодняшние реалии — это предметы, живущие коротко. Одежду мы меняем каждый год, а раньше добротное пальто передавалось из поколения в поколение. Сейчас вещь живет один сезон, а потом ее выбрасывают — мода прошла. А мода построена под смену товара, потребитель, гонящаяся за модой, несет деньги, которые опять пойдут на новые супермодные вещи. Это нормальный рыночный подход. Но я не оттуда, я из Советского Союза. И я не смог принять такие подходы французского руководства на ВАЗе (Пашко ушел из НТЦ АВТОВАЗа в 2009 году. — Прим. ред.). Мои вкусы — это другое время. Нынче же их навязывают, меняют наше общество до дебилизма: у тебя должна быть такая машина, такая одежда, такая мебель. Если у тебя нет этого, ты никогда не будешь крутым, успешным. Сейчас все построено на философии продвижения к успешности.

А под успешностью понимается куча денег, навороченный автомобиль, особняк за городом. У нас же пока картинка такая: во дворе задрипанной «хрущевки» гордо стоит авто за полтора миллиона, а то и дороже. Это же несовместимые вещи, это разрыв... На ВАЗ приходят молодые, нацеленные на успешность и прикладывающие усилия, чтобы делать капиталистический товар, который быстро бы ушел с рынка. И я там — лишний. Социалистическое общество, бывшее советское, оно еще не стало капиталистическим. Те правила, которые нам навязывают, пока не работают. Нам надо 40 лет поводить по пустыне, как это делал Моисей, сменятся два поколения, и может быть, тогда что-то и произойдет. А до тех пор мы будем покупать барахло из Китая, от кутюр нам не привезут — у нас денег нет.

— Владислав Иванович, так вам неуютно в этом времени?

— Я нахожусь сейчас в классной ситуации. Пенсии с грехом пополам хватает, и я занят любимым делом — творчеством. Я не продаю свои вещи, потому что их никто не покупает. Я уже не знаю, куда их девать, хоть раздаривай, но я творю. Художническое дело — как гвоздь, который ты забил себе в голову и вытащить уже не можешь. Ведь ты делаешь то, что хочешь, независимо от того, платят тебе или нет.

Интеллектуальная среда из подвалов куда-то испарилась, теперь вместо нее рынок. Но мы сформировались в другой системе координат и испытываем счастье от любимого дела, как это не выпендрено звучит. Я же, когда работал на ВАЗе, рвался сюда, в мастерскую...

— Выходит, 44 года на ВАЗе — коту под хвост?

— Это еще почему? Я доволен. ВАЗ научил меня очень многому. Во-первых, умению управлять системами, которыми нужно управлять, ведь разработка проекта автомобиля требует немалого количества людей. Во-вторых, это умение глубоко и осмысленно проектировать и отстаивать свою точку зрения, умение защищаться, умение философски смотреть на вещи, умение сопротивляться давлению сверху. Как должен вести себя подчиненный перед главным конструктором? Тише воды, ниже травы, но я с Георгием Мирзоевым спорил, я критиковал, но я ему был не враг, а помощник. Помнится, было обсуждение «восьмого» автомобиля, и начались вопросы, а почему так, а не эдак? Я пытаюсь объяснить, но опять наткнулся на вопрос: все-таки почему так, а не эдак? И я понимаю, что мне еще предстоит прочитать лекцию по эстетике, композиции, пропорциях, ритме и я отвечаю: «Я так вижу!» Если ты мне не доверяешь, как специалисту, уволь меня, но если доверяешь, должен согласиться.

Марк Демидовцев, можно сказать, создал «школу дизайнеров» ВАЗа. Он был отличный график, но он не мог рисовать автомобили, где требуется более свободное движение руки. И самое главное, он не мешал работать. Но так или иначе мы находили общий язык. И коллектив создавался не на ненависти, а на уважении, потому что любая критика относилась не к личности, а к предмету творчества. Конечно, мы — разные индивидуальности, тянули каждый на свою сторону и были трудно управляемыми. Но все же своими разработками мы можем гордиться. Да, мы делали ошибки, но и учились на них... Нет, ВАЗ меня многому научил, развил мое творческое мышление... Чтобы нарисовать автомобиль будущего, надо представлять это будущее, эту среду обитания.

— А сейчас какой-то автомобиль соответствует нынешнему времени?

— Конечно, их много. Вон «Рено», которое нам навязывают.

— Навязывают?

— Конечно. Мы же на пути к капитализму. До того времени, как Петр Первый «прорубил окно в Европу», у нас была своя культура, наши архитекторы создавали шедевры, не уступавшие византийским. У нас были свои устои и традиции, которые нам достались от предков. Что такое культура? На мой взгляд,

это то, что было создано тем или иным народом. Мы растем, потому что видим работу друг друга: Египет создал свой культурный слой, мы на него шагнули, как на ступеньку. Греки сделали свое, для нас это тоже шаг на ступеньку. Я на ВАЗе ввел систему: не прятал ни один свой рисунок, я их вывешивал на обозрение, так же сделали и остальные. Предположим, у меня глаз замылился, я не вижу ошибок в своем рисунке, но коллега их видит и на своем рисунке исправляет. Вижу и думаю — молодец, он шагнул дальше, используя его правильный рисунок, и я учусь и иду дальше. Вот в чем прелесть культуры. Можно, конечно, сидеть в своей мастерской, и твои работы увидят пара-тройка человек. Но на выставке учишься и у себя, и у коллег и можешь найти ошибки, ты оттолкнешься от них и пойдешь дальше.

— Владислав Иванович, я хожу на выставки и вижу одни и те же лица...

— Ну это типично практически для всех городов, может быть, не считая столиц. Если в семье воспитали ребенка с позиции любви, то у него остается это в душе, несмотря на невзгоды. Он будет видеть мир только с положительной стороны. Кому-то достаточно смотреть сериалы по телевизору. Кто-то до сих пор любит читать книги — и это нормально.

— А вас не раздражает, что большая часть любит все-таки сериалы, а не книги?

— Абсолютно нет. Меня бы это раздражало, если бы я строил свою денежную систему: продавал бы свои работы. Я бы навязывал, пытался как-то впихнуть, я этого не делаю. Я высказываю себя. Нравилось я или не нравилось кому-либо, я выражаю себя через свои работы.

— То есть вы сейчас, после ухода с завода, в согласии с собой и обществом?

— Для многих уход с ВАЗа — это трагедия, жизнь заканчивается. Мы в социалистическом обществе были нацелены на работу, для нас это большая часть жизни. Преемственность из поколения в поколение была явлением нормальным. А сейчас, если отец приводит сына на завод, это уже коррупцией назовут. Возникла другая система. Мои дети выучились на дизайнеров, но им не дали возможности устроиться на ВАЗ по специальности. Сыну предложили идти в модельщики с высшим образованием. И теперь мои дети работают в Москве.

— Я вас слушаю и думаю, что мы с вами уходящая натура, мы сделаны в СССР и менять мышление не можем.

— Уходящая эпоха — да, но не натура. Пик пройден, и мы идем в одном направлении.

— Так вы наблюдатель? Не интересуетесь политикой? Ситуацией на Украине? ▶ стр. 10

1985-1990 гг. Демонстрационный макет экстерьеров

Владислав Пашко: Я гражданин СССР

«**стр. 4** — Я жутко переживаю за Украину: там моя родина. Я родился в западной Украине, в Ивано-Франковской области. Расцвет бандеровщины. Именно туда — на освобожденную от фашистов территорию — направили моего отца-коммуниста в конце войны. Мы жили в домике по дороге на кладбище, и каждый день были похороны, как правило с оркестром. Хоронили наших солдат, офицеров, коммунистов, которых отстреливала подпольная банда бандеровцев.

— **То есть то, что сейчас там происходит, вы не приемлете?**

— Нет, однозначно... Я вырос на территории, которую постоянно завоевывали. То она была под венграми, то под поляками, то под русскими. И там из поколения в поколение росло неприятие того, что они под кем-то. И народно-повс-

танческое движение поддерживалось населением. И чтобы выжить, оно «ложилось» под того, кто сильнее. Да, они считают Советскую армию завоевателями и не приемлют георгиевскую ленточку. А теперь я задаю себе вопрос: должен ли я гордиться отцом? Пусть он будет кем угодно, но он родил меня, значит, я должен им гордиться. Для меня георгиевская ленточка — это и память об отце, прошедшем Великую Отечественную, и о деде, который сражался в Первую мировую и получил Георгиевский крест. Нашу семью, можно сказать, выжили с западной Украины, мы для них враги, москали. А местное подрастающее поколение получало высшее образование в СССР и постепенно занимало ключевые посты и любыми путями выживало пришлых. И почему правители сейчас поддерживают ненависть, а

не любовь? Ненависть ни к чему хорошему не приведет. У меня отобрали мою родину — Украину, я не могу привезти туда своих детей. Почему? Да потому, что мои дети выросли в России и говорят на русском языке.

Советская культура создавалась из множества культур. По радио мы тогда слушали не только русских исполнителей, но практически из всех республик. Сейчас мы чаще всего слышим англоязычные песни. А оно мне надо? Я хочу слушать то, что понимаю, и то, что мы сможем спеть все вместе. Ведь песня — это коллективное. Все эти «Евровидения», где заставляют петь на английском языке... Почему мы должны сейчас себя считать недо развитыми, если не знаем английского языка? Почему мы должны что-то просить у Запада? Мы самодостаточны, жили столько ве-

ков и не побирались. А нынче на периферии развивается комплекс неполноценности: только в столицах можно стать успешным. А тот, кто не вырвался и не пристроился в мегаполисе, — пустое место. Я не могу согласиться с этим.

— **Комплекс неполноценности скорее присущ выросшему поколению после 90-х?**

— Само собой. Хотя первые сомнения в головах посеял еще Петр Первый. Развивать торговые отношения с Европой — это одно, но прогибаться под всех этих князьков оттуда — это другое.

— **А Крым наш?**

— Я всегда его своим считал. Напоминаю: я — гражданин СССР. Теперь, чтобы побывать где-то в пределах бывшего СССР, нужен загранпаспорт. В дальние края я не рвусь, но где обязательно надо побывать — это Израиль, чтобы

понять, как там умеют любить свою Родину.

— **У нас не умеют любить? Такие мы по жизни раздолбай?**

— Нет. Есть же талантливая молодежь, которая уже адаптирована к капитализму, смотрите, сколько фирм и фирмешек открылось...

— **Но есть и те, кто с пивом и работает за копейки...**

— Нам еще двадцать лет надо. Мы пока только полсрока по Моисею по пустыне отходили...

С Владиславом Ивановичем можно говорить и говорить, и будет интересно. А еще можно долго смотреть на его композиции-символы из бамбука, рисунки, картины... И это тоже будет продолжением разговора с Пашко — дизайнером автомобилей, философом, творческим универсалом и гражданином СССР.

Галина Плотникова